

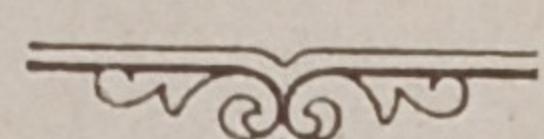
5(09)
193

ЛЮДИ
РУССКОЙ
НАУКИ

ЛЮДИ
РУССКОЙ
НАУКИ

5(09)
1-93.

ОЧЕРКИ
О ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЯХ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
И ТЕХНИКИ

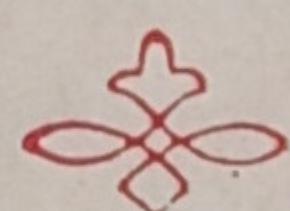

ОНН. № 16187-25894
Государственная библиотека

ГЕОЛОГИЯ
ГЕОГРАФИЯ

72.

Под редакцией
И. В. КУЗНЕЦОВА

Государственное издательство
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1962

Камчатская областная библиотека,
Издательство Краеведения,
Якутск. Отдел Краеведения.

Сборник «Люди русской науки»

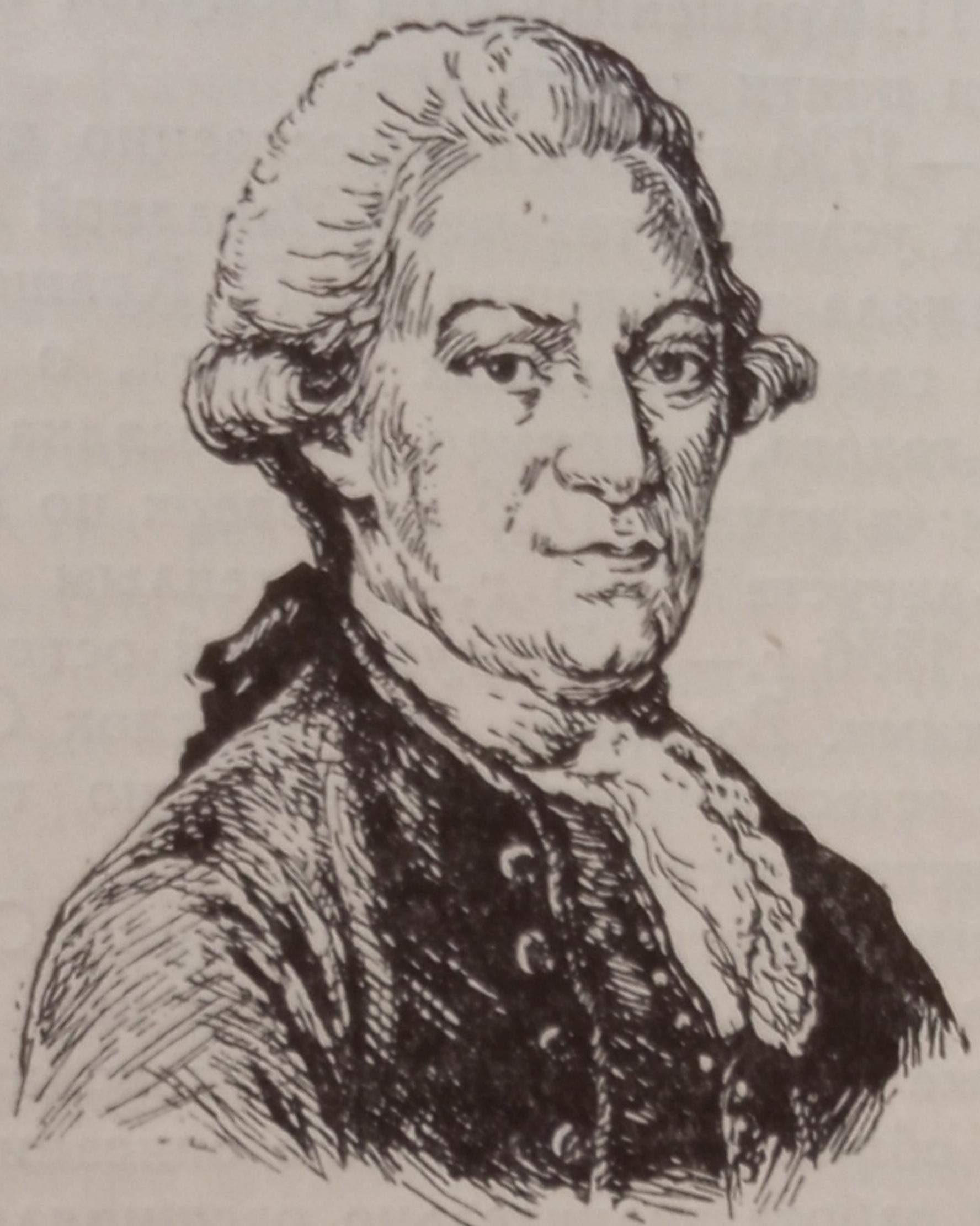
Редакторы С. Р. Микулинский и Е. Б. Кузнецова-Ермолова.

Техн. редактор В. Н. Крючкова. Корректор С. Н. Емельянова.

Сдано в набор 17.VIII.1961 г. Подписано к печати 20/XII 1961 г. Бумага 70×108¹/₁₆. Физ. печ. л. 36,25+3 вкл.
Условн. печ. л. 50,68. Уч.-изд. л. 46,77. Тираж 12 000 экз. Т-12367. Цена книги 2 р. 54 к. Заказ № 2104.

Государственное издательство физико-математической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Отпечатано с матриц в Гос. типографии «Вайзда», Вильнюс, Страздялио 1.
Тираж 12.000 экз. Заказ № 251.

Степан Петрович КРАШЕНИННИКОВ

1711-1755

И

сследователь природы Камчатки, основатель русской научной этнографии, Степан Петрович Крашенинников родился 31 октября 1711 г. в Москве. Он был сыном солдата Преображенского полка. О ранних годах его жизни сведений не сохранилось, и первые известия о нем относятся к 1732 г. В этом году в числе 12 студентов Московской славяно-греко-латинской академии он был отправлен из Москвы в Петербургскую Академию наук для участия во Второй Камчатской экспедиции. В реестре студентов, направлявшихся в Петербург, С. П. Крашенинников стоит на первом месте как «ученик школы философии», т. е. предпоследнего класса Московской академии, в котором обучали логике, физике и метафизике. Он провел в этой высшей школе семь лет и, по всем данным, учился вполне успешно; там он приобрел основательное знание латинского языка и солидную общеобразовательную подготовку.

В начале 1733 г. Степан Крашенинников и его товарищи прибыли в Академию наук, где были подвергнуты экзаменам. Лучших из прибывших — на первом месте среди них был Крашенинников — стали

готовить к предстоящим экспедициям. До августа 1733 г. они слушали лекции по ботанике, зоологии, географии и другим наукам у профессоров И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера. Вместе с ними в августе того же года в Камчатскую экспедицию отправились пять студентов: Степан Крашенинников, Федор Попов, Лука Иванов, Василий Третьяков и Алексей Горланов.

В Петербург С. П. Крашенинников вернулся только в начале 1743 г., пробыв в экспедиции почти девять лет.

Работая в 1733—1736 гг. преимущественно вместе с Гмелиным по изучению природных условий тех мест Западной и Восточной Сибири, через которые проезжала экспедиция, С. П. Крашенинников в эти годы совершил несколько самостоятельных поездок, о которых сохранились его ценные отчеты; такова, например, его поездка в августе 1734 г. на Колыванские заводы; в начале 1735 г.—вверх по Енисею для изучения писаниц; в июле—августе 1735 г.—к теплым водам на р. Ононе; в январе—феврале 1736 г.—в Баргузинский острог; в августе того же года—вверх по Витиму. Во время этих поездок С. П. Крашенинников собирал не только естественноисторические, но также географические, этнографические и исторические сведения.

Вместе с другими участниками экспедиции С. П. Крашенинников принимал участие в составлении географических описаний отдельных мест Сибири, которые дали возможность руководителям академического отряда подготовить общие географические описания Сибири.

Благодаря этой работе значительно расширялся круг знаний молодого студента, которому вскоре предстояло вести важные самостоятельные исследования. Профессора Миллер и Гмелин отмечали не только его большое усердие и точность, но и его подготовленность к работе.

5 июля 1737 г. С. П. Крашенинников выехал из Якутска на Камчатку; 20 августа прибыл в Охотск, а 4 октября на судне «Фортуна» отправился на Камчатку.

Прибыв к устью р. Большой, «Фортуна» не могла войти в него и была выброшена на берег. Во время аварии у С. П. Крашенинникова погибла большая часть снаряжения и все личные вещи. У него осталась только одна рубашка. Спустя несколько дней на пяти лодках он и его спутники поднялись вверх по р. Большой и прибыли в Большерецк.

В течение двух месяцев С. П. Крашенинников оставался в Большерецке, ведя переговоры с местной администрацией о постройке лодки для экспедиции, об организации метеорологических наблюдений, о присылке переводчиков, знающих камчадальский, курильский и коряцкий языки, и местных старожилов для расспросов их об имеющихся в здешних местах зверях, птицах и рыбах, о присылке к нему «курильских мужиков», знающих камчадальский язык и бывавших на дальних Курильских островах.

Уже в первые месяцы своего пребывания на Камчатке С. П. Крашенинников составил реестры имевшихся здесь зверей, птиц, рыб, деревьев и трав, с русскими и камчадальскими названиями, и подготовил подробный план собирания сведений «о вере, житии и о прочих поведениях жителей», о реках, впадающих в Пенжинское море; тогда же им был разработан план поездок в разные части Камчатки для собирания сведений на месте. Вскоре С. П. Крашенинников стал собирать истори-

Степан Петрович Крашенинников

ческие известия: «кто с самого начала бывал на Камчатке, и кем она и в котором месте сперва завоевана и отчего она Камчаткою называется»; собирая он и материалы о современном положении Камчатки, требуя от местных канцелярий — Большерецкой, Верхнекамчатской и Нижнекамчатской — соответствующих официальных данных.

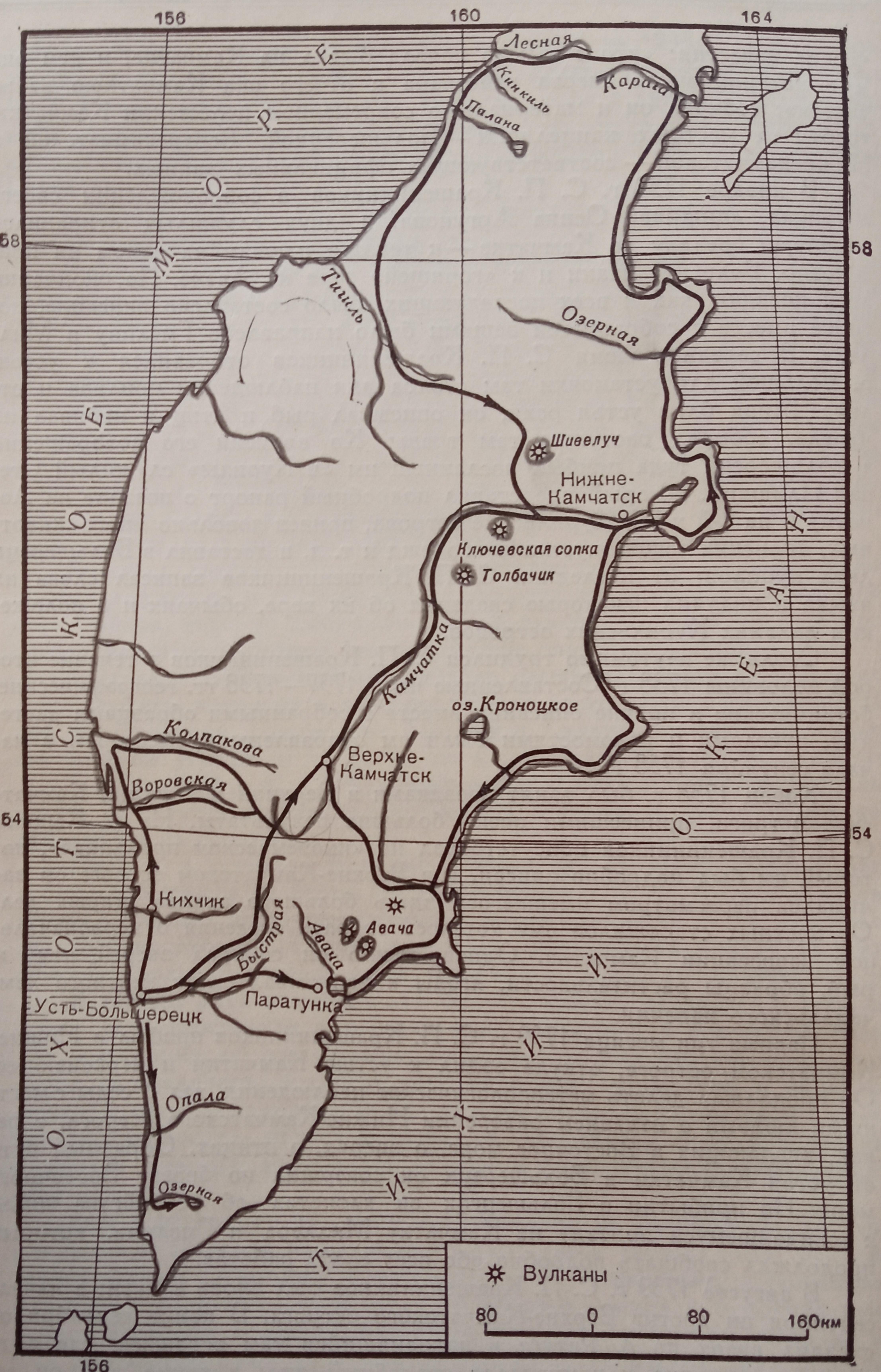
В январе 1738 г. С. П. Крашенинников в сопровождении своего спутника, «пищика» Осипа Аргунова, и двух служилых отправился в первую поездку по Камчатке — к теплым ключам на одном из притоков р. Большой Баани и к «горящей» горе на Аваче. По окончании этой поездки, как и всех последующих, было составлено описание, которое вместе с собранными вещами было направлено Гмелину и Миллеру. В середине июня С. П. Крашенинников отправился к устью р. Большой для установки там столба для наблюдения прилива и отлива. Живя близ устья реки, он описывал рыб и птиц и набивал их чучела, собирая растущие там травы. Ко времени его возвращения в Большерецк туда прибыл посланный им «в Курилы» служилый Степан Плишкин, который представил подробный рапорт о поездке на Лопатку и на 1-й и 2-й Курильские острова, привез довольно много животных, японских вещей, курильских одежд и т. д. и доставил в Большерецк двух курилов; от последних С. П. Крашенинников записал слова их языка и получил некоторые сведения об их вере, обычаях и о положении дальних Курильских островов.

Столь же неутомимо трудился С. П. Крашенинников в течение второй половины 1738 г. Составленные им в 1737—1738 гг. географические, ботанические и прочие описания вместе с собранными образцами растений, чучелами и ведомостями были им отправлены профессорам в начале сентября 1738 г.

Конец 1738 г. был занят поездками в Верхний и Нижний Камчатские остроги, принесшими очень большие результаты. На р. Кыкчик С. П. Крашенинников присутствовал на «иноzemческом празднике», который им был подробно описан, а в Верхне-Камчатском остроге он занимался пересмотром имевшегося здесь большого архива старых дел. От местных старожилов ему хотелось собрать сведения о первоначальном завоевании Камчатки. Одновременно он собирал зверей, птиц и рыб, образцы растительности, ягоды и записывал слова местного камчадальского наречия.

Первые три месяца 1739 г. С. П. Крашенинников пробыл в Нижне-Камчатском остроге, откуда ездил к устью Камчатки и верховью ее. Он продолжал делать метеорологические наблюдения, вел беседы с местными людьми о недавнем разорении Нижне-Камчатского острога, о реках, впадающих в Восточное море, о зверях, о птицах. Обратный путь от устья Камчатки в Большерецк он совершил по берегу Восточного моря. По прибытии в Большерецк он хлопотал об устройстве жилья к ожидавшемуся приезду на Камчатку Миллера и Гмелина, которым продолжал сообщать подробно обо всех своих работах.

В августе 1739 г. С. П. Крашенинников был вновь в пути; в начале сентября он достиг Верхне-Камчатского острога. В конце сентября он съездил вверх по р. Ратуге в находившийся там острожек, где в то время происходил у камчадалов свадебный пир; в конце года он закончил описание р. Камчатки, хлопотал о посылке кого-либо «в Коряки»

Путешествия С. П. Крашенинникова по Камчатке.

и ездил в острожек Шолоноки для описания происходившего там камчадальского праздника.

В первые месяцы 1740 г. С. П. Крашенинников совершил еще одну поездку из Нижне-Камчатского острога по берегу моря на север для собирания сведений о коряках: доехав до р. Тигиль, он поднялся по ней и через Харчин острожек вернулся в Нижне-Камчатский острог. Проехав через камчадальские острожки, он беседовал с местным населением, вел подробные записи языка. В конце февраля через Верхний острог С. П. Крашенинников направился в Большерецк, куда и прибыл в конце марта 1740 г. В июле 1740 г. С. П. Крашенинников отправил Миллеру свою первую этнографическую работу «Описание камчатского народа, сочиненное по сказыванию камчадалов», предполагая впоследствии пополнить ее новыми сведениями. Вместе с очередным рапортом в четырех ящиках и сыромятной суме он отправил и чучела собранных им зверей, птиц, рыб, «иноzemческое платье» и прочее.

Не имея желания ехать лично на Камчатку, Миллер и Гмелин всячески содействовали поездке туда присланному к ним на смену адъюнкту Академии наук Г. В. Стеллеру. Стеллер и профессор А. Д. де ля Кройер, занимавшийся в академическом отряде экспедиции астрономическими и метеорологическими наблюдениями, прибыли в Большерецкое устье в конце сентября 1740 г.

Приезд Стеллера коренным образом изменил положение С. П. Крашенинникова. Из самостоятельного руководителя, проведшего огромную собирательскую и исследовательскую работу, он должен был занять подчиненное положение, став «под команду» адъюнкта Стеллера, которому, в соответствии с распоряжением Академии, пришлось передать все собранные материалы и описания.

Получая рапорты и посылки С. П. Крашенинникова, Миллер и Гмелин уже с октября 1739 г. настойчиво обращали внимание Академии наук на большое научное значение работ Крашенинникова и его «великую прилежность». В письме от 15 ноября 1739 г., посыпая в Академию полученные от Крашенинникова метеорологические наблюдения, описания теплых вод и пр., а также «Описание камчатского народа» (первую редакцию этого труда) и составленные им словари камчатских народов, Гмелин, между прочим, писал: «Каждый из нас, профессоров, что до его науки принадлежит, с прилежанием читал, и сей изрядной работе сердечно порадовался. А объявленному Крашенинникову лучше сея присланной к нам работы едва ли и сделать можно...». В том же духе писал 14 ноября 1739 г. о С. П. Крашенинникове президенту Академии наук Миллер. Оба они, отмечая крайнюю нужду С. П. Крашенинникова, просили об увеличении ему жалованья, в связи с чем Академия наук дважды возбуждала об этом ходатайство перед Сенатом.

Высокое мнение профессоров о С. П. Крашенинникове, непосредственное знакомство Стеллера с его работами все же не повели к установлению между Стеллером и Крашенинниковым тех простых и добрых отношений, которые могли бы способствовать развитию их совместных трудов по исследованию Камчатки.

После приезда Стеллера в соответствии со своим прежним планом С. П. Крашенинников совершил еще одну поездку по Камчатке: в конце ноября 1740 г. он отправился из Большерецка через Верхний и Нижний

Камчатский остроги к оленным корякам, поездка оказалась неудачной, потому что «утколоцкие и подкагирные коряки изменили: несколько казаков и служилых побили». В начале марта 1741 г. Крашенинников вернулся в Большерецк. Через три дня после этого он получил от Стеллера ордер, из которого узнал, что летом 1741 г. он должен отправиться в Иркутск. Поездка эта была намечена Стеллером еще до возвращения Крашенинникова; в письме к Гмелину от 1 марта Стеллер уже сообщал об этой поездке, как решенной им совместно с де ля Кройером, который, как и Стеллер, направлялся летом 1741 г. вместе с В. Берингом и А. И. Чириковым в «американский вояж». По словам Стеллера, поездка Крашенинникова в Иркутск была вызвана необходимостью получить для сотрудников академического отряда, находящихся на Камчатке, причитающееся им жалованье. В том же письме Стеллер уверял Гмелина, что его главным намерением при отправке Крашенинникова на встречу ему, Гмелину (которого все еще ждали на Камчатку), было то, чтобы Гмелин от Крашенинникова узнал о положении дел на Камчатке и использовал полученные сведения в своих интересах.

На следующий день после подписания ордера Крашенинникову Стеллер уехал из Большерецка в Авачинскую губу, к месту пребывания судов экспедиции «Св. Петра» и «Св. Павла», и для получения от него окончательных инструкций С. П. Крашенинникову пришлось еще раз пересечь Камчатку.

Вернувшись в Большерецк, С. П. Крашенинников сдал имевшиеся у него казенные книги, инструменты и материалы студенту А. П. Горланову и в конце мая выехал в Якутск. В своем путевом журнале С. П. Крашенинников записал, что перед отъездом из Якутска 21 августа он венчался в соборной церкви с родной племянницей «жены маэора и якуцкого воеводы г-на Павлуцкого», дочерью «Тобольского дворянина Ивана Цыбульского именем Степанида».

В Иркутске С. П. Крашенинников получил 10 января 1742 г. ордер профессора Миллера из Тобольска; Миллер, уже зная о прибытии Крашенинникова в Якутск «бутто для требования на господина профессора де ля Кройера и адъюнкта Штеллера... жалованья» и, видимо, не одобряя использования Крашенинникова для таких целей, предписывал ему выполнить данные поручения, а затем ехать немедленно в Тобольск и далее на запад для встречи с профессорами.

Но выполнить это распоряжение сразу оказалось невозможным. С. П. Крашенинникову пришлось еще раз съездить в Якутск. Получение денег и покупка припасов для отряда Стеллера отняли много времени. Только в конце мая С. П. Крашенинников сдал в якутскую воеводскую канцелярию деньги и купленные припасы для отсылки их на Камчатку и отправился в обратный путь. В октябре 1742 г. он приехал в Верхнегородок, где в то время находился академический отряд во главе с Миллером. По подсчетам Крашенинникова в его путевом журнале за время пребывания в Сибири и на Камчатке он проехал 25 773 версты.

Когда в феврале 1743 г. академический отряд Второй Камчатской экспедиции, проработавший в Сибири около десяти лет, вернулся в Петербург, то встал вопрос о дальнейшей судьбе входивших в нее студентов. Было решено прежде всего произвести им в Конференции Академии наук экзамен. В заседании 29 апреля 1743 г. на заданную Гмелиным

тему — дать описание корюхи и левкоя — С. П. Крашенинников представил диссертацию, сопроводив ее разъяснениями и дав ответы на вопросы академиков. Ответы С. П. Крашенинникова, как и самая работа, были встречены единодушным одобрением всего собрания, признавшего, что Крашенинников прекрасно знает латинский язык и имеет большие познания в естественной истории. Конференция постановила оставить С. П. Крашенинникова при Академии для изучения естественной истории, не привлекая его ни к каким другим работам и назначив ему жалованье 200 р. в год с тем, чтобы он мог приобретать нужные ему книги и совершенствоваться в науках. В ближайшие после того месяцы С. П. Крашенинников продолжал работать под руководством главным образом И. Г. Гмелина, по настоянию которого в заседании Конференции 14 ноября 1743 г. Крашенинников прочитал свое описание ряпухи.

В мае 1745 г. С. П. Крашенинников подал в Академию заявление, в котором отмечал, что с 1743 г. он неутомимо и усердно упражнялся в ботанике — «и как ботаники, так и некоторых частей истории натуральной фундаменты познал, так что могу других в том обучать и в потребном случае обсервации собою к пользе отечеству чинить»; он просил назначить его адъюнктом Академии. Конференция рассматривала это заявление 22 июня; одновременно с избранием М. В. Ломоносова профессором, С. П. Крашенинников был признан достойным звания адъюнкта Академии наук с окладом в 360 р. в год.

Избрание С. П. Крашенинникова в адъюнкты последовало после обсуждения в Конференции его диссертации по ихтиологии, о которой (как и о других работах) Гмелин дал весьма положительный отзыв; прочие академики, а также адъюнкт Ломоносов хвалили усердие Крашенинникова и выражали надежду, что в дальнейшем он сделает еще большее, и единодушно признали его достойным звания адъюнкта.

В 1745 г. С. П. Крашенинников стал работать в академическом Ботаническом саду, которым заведовал тогда профессор Сигезбек; в мае 1747 г., после ухода Сигезбека из Академии, Ботанический сад перешел в заведование С. П. Крашенинникова; в этой должности он оставался до 1749 г.

Хотя работа академического отряда Второй Камчатской экспедиции закончилась еще в 1743 г., разбор привезенных материалов и их обработка весьма затянулись. В сентябре 1748 г. были приняты решительные меры к ускорению этого дела. Соответствующий указ был получен также С. П. Крашенинниковым, который, кроме собственных бумаг, должен был также привести в порядок бумаги покойного Стеллера, перевести их на русский язык, а затем на латинский. Из отчетов Крашенинникова мы узнаем, что в это время он также переводил с латинского языка на русский «Флору Сибири» Гмелина, наблюдал за печатанием второго тома этого исследования, составлял опись ботанической части коллекции Стеллера, заведовал Ботаническим садом, читал лекции по натуральной истории и ботанике в академическом университете, переводил книгу Квинта Курция «О делах Александра Македонского».

Осенью 1749 г. С. П. Крашенинников был назначен секретарем «Чрезвычайного собрания» Академии, которому поручено было рассмотрение речи профессора Г. Ф. Миллера «О начале и происхождении имени российского народа»; до конца работ этого собрания в марте 1750 г.

Крашенинников вел его протоколы. В одном из заседаний собрания С. П. Крашенинников, побуждаемый патриотическими чувствами, вместе с М. В. Ломоносовым выступил против «норманской теории» Миллера. Это выступление создало для него очень трудные отношения не только с Миллером, но и с его другом Гмелиным, которые не могли простить своему ученику его выступления. Миллер наговорил тогда по адресу С. П. Крашенинникова много такого, что заставило Крашенинникова обратиться к президенту Академии гр. К. Г. Разумовскому с просьбой о защите его чести; дело кончилось тем, что Миллер признал, что «Крашенинникова и других обругал напрасно».

11 апреля 1750 г. С. П. Крашенинников был назначен профессором натуральной истории и ботаники и членом Академического и Исторического собраний Академии наук, с увеличением его жалованья до 660 р. в год. Спустя несколько месяцев С. П. Крашенинников был назначен ректором академического университета и гимназии вместо уволенных от этих должностей Миллера и Фишера.

Новая должность отнимала у С. П. Крашенинникова почти все его время. Но все же он не оставлял и своих научных работ. Он продолжал дополнять начатое им описание санкт-петербургской флоры и готовил речь «О пользе наук и художеств» к публичному заседанию Академии наук 6 сентября 1750 г.

Эта речь показывает, что по своему мировоззрению Крашенинников стоял на уровне наиболее передовых идей первой половины XVIII в. Одним из центральных пунктов философских взглядов С. П. Крашенинникова являлось утверждение об отсутствии у человека каких-либо врожденных принципов или первичных понятий, полученных при начале его бытия. С. П. Крашенинников высказал ряд ценных мыслей об исключительном значении воспитания, подразумевая под ним всю совокупность общественного влияния на человеческое мышление. Он старался объяснить, почему люди по-разному относятся к одним и тем же порядкам, существующим в обществе, к одним и тем же идеалам, нормам поведения и т. д. Различие взглядов людей, по Крашенинникову, определяется интересами, господствующими в среде того или иного народа или данной прослойки общества. Развитие наук и ремесел С. П. Крашенинников пытался объяснить материальными нуждами человечества.

В конце 1750 г. С. П. Крашенинников вновь вернулся к обработке собранных им на Камчатке материалов. Но в 1751 г. состоялось постановление канцелярии Академии об его труде, в котором ему предлагалось использовать, помимо своих собственных материалов, также труд о Камчатке Стеллера. С. П. Крашенинников должен был «те места, о которых покойный адъюнкт Штедлер в описании своем упоминает, а оного нет в Описании... Крашенинникова, то их внести либо в самый текст или сообщить оные в примечаниях с прописанием авторова имени»; работу требовалось совершить «как наискорее».

Постановление канцелярии ставило С. П. Крашенинникова в затруднительное положение; ему приходилось нередко опровергать Стеллера, основывавшегося иногда на непроверенных наблюдениях, и невольно полемизировать с автором, труд которого тогда еще не был напечатан и оставался неизвестным ученыму миру до 1774 г., когда он впервые был напечатан. Но при всех трудностях Крашенинников уже

через полгода представил две части «Камчатского описания с прибавлением штедлеровых примечаний и с объявлением его имени». Эти две части были просмотрены профессорами Ломоносовым, Миллером и другими, которые сделали на них свои замечания; они были рассмотрены в Историческом собрании, которое согласилось со сделанными замечаниями об исправлении стиля, о необходимости в труде ландкарт, рисунков и предисловия; автор все эти замечания принял к сведению и внес исправления в свою рукопись.

Печатание «Описания земли Камчатки» было закончено к февралю 1755 г. С. П. Крашенинников готовил к нему «пространное предизвещение», но умер, не успев его закончить. Предисловие было поручено написать Миллеру, из-за чего уже готовое издание пришлось задержать выпуском. По этой причине «Описание земли Камчатки» с предисловием и двумя картами Камчатки вышло только во второй половине 1756 г.

Труд С. П. Крашенинникова состоит из четырех частей. Часть первая — «О Камчатке и о странах, которые в соседстве с нею находятся» — содержит географическое описание Камчатки, основанное на богатейшем материале, собранном Крашенинниковым, но в главе 10 — «О Америке и о некоторых островах, лежащих между Америкою и Камчаткою» — использован труд Стеллера, «посвященный описанию его морского путешествия с капитаном-командором Берингом в 1741 г. к берегам Америки»; автор пользуется также и трудом Г. Ф. Миллера о Камчатке, который был составлен в 1737 г. на основании имевшихся тогда архивных и иных данных.

Часть вторая — «О выгоде и о недостатках земли Камчатки» — посвящена естественно-историческому описанию Камчатки; в ней, в двенадцати главах, автор впервые в литературе приводит ценнейшие сведения «о свойстве Камчатской земли в рассуждении недостатка ее и изобилия», «о огнедышащих горах и происходящих от них опасностях», «о горячих ключах», «о металлах и минералах Камчатки», «о производящих особливо, которые до содержания тамошних народов касаются», «о зверях земных», «о витимском соболином промысле», «о зверях морских», «о рыбах», «о птицах», «о насекомых и гадах», «о приливе и отливе Пенжинского моря и Восточного океана». Эта часть книги заложила основы дальнейшего изучения флоры, фауны и естественных производительных сил Камчатки. От этой второй части труда Крашенинникова исходят все дальнейшие, и современные в частности, исследования по ботанике, зоологии и геологии Камчатки.

Части первая и вторая составляют первый том «Описания земли Камчатки». Том второй заключает в себе части третью и четвертую.

Часть третья — «О камчатских народах» — представляет собой первый русский этнографический труд, посвященный описанию быта, нравов и языка местного населения: камчадалов, коряков и курилов. В ней напечатаны словари ительменского (камчадальского), корякского и айнского языков; говорится о происхождении и отношении языков народов Камчатки к языкам соседних народов; приводится материал, позволяющий восстановить картину расселения этнографических групп на Камчатском полуострове и материковом побережье Охотского моря; в книге содержится много специальных терминов из области ботаники, зоологии, полезных ископаемых, лекарственных трав, болезней на ительменском

(камчадальском) и отчасти на корякском языках. Богатейшие языковые материалы, собранные С. П. Крашенинниковым, имеют громадное значение для исследования палеоазиатских языков. Этот замечательный этнографический труд позволяет по справедливости назвать С. П. Крашенинникова основателем русской научной этнографии. Крупный сибирский этнограф Л. Я. Штернберг называл автора «Описания земли Камчатки» Нестором русской этнографии, а его труд — «классическим памятником Второй Камчатской экспедиции».

Но С. П. Крашенинников был не только натуралистом, этнографом и лингвистом, он был также и историком: четвертая часть его «Описания земли Камчатки» посвящена истории покорения Камчатки — «о бывших в разные времена бунтах, изменах и о нынешнем состоянии тамошних российских острогов». Для этой части «Описания» Крашенинников не только собрал большое количество архивных и иных материалов, но и подверг их критическому изучению. Эта часть «Описания» является лучшим, что было дано по истории Сибири русской исторической наукой в течение всего XVIII в.

Вышедший в 1756 г. труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» был не только первым русским сочинением, в котором дано всестороннее описание одной из областей Сибири, привлекавшей к себе большое внимание в XVIII в., но был первым и в западноевропейской литературе. Очень скоро после русского издания появились переводы труда С. П. Крашенинникова и на иностранные языки: английский, немецкий, французский и голландский. Труд С. П. Крашенинникова, получивший широкую известность в России и на Западе, поставил имя С. П. Крашенинникова в ряду славных имен ученых XVIII в., которыми гордится русская наука.

В последние годы своей жизни, кроме подготовки к изданию своего основного труда «Описание земли Камчатки» и отнимавшей у него много сил и времени работы в академическом университете и гимназии, С. П. Крашенинников в 1752 г. предпринял ботаническое исследование окрестностей Петербурга; в феврале 1755 г. он пишет проект ботанической экспедиции в центральные и южные губернии.

Занимая с 1750 г. место ректора академического университета и инспектора академической гимназии, С. П. Крашенинников сильно отвлекался от научной работы. Ему мешали тяжелое материальное положение, а также слабость здоровья. Все сильнее развивалась легочная болезнь. Редкие случаи отсутствия С. П. Крашенинникова в академических собраниях со времени избрания его профессором в 1754 г. сделались частыми; он не посетил ни одного заседания академической Конференции в январе и феврале 1755 г., а в заседании Конференции 25 февраля было объявлено, что в тот день, в семь часов утра, Степан Петрович Крашенинников скончался.

На следующий день жена Крашенинникова, Степанида Ивановна, подала в Академию «доношение», в котором сообщала, что осталась с шестью малолетними детьми в таком состоянии, что и тело мужа погреши нечем, и просила выдать за его честную и бесспорочную службу годовое жалованье и особо на погребение; просьба была удовлетворена, и она получила 858 руб.; в том же постановлении, где говорилось об этой выдаче, читаем: «а за то, что ей, вдове, будет годовое жалованье,

Степан Петрович Крашенинников

отобрать у ней в Академию после оного мужа его собственные книги и манускрипты и хранить в конференц-архиве». На основании составленной после похорон Крашенинникова описи коллекций семян, книг и рукописей большая часть их поступила в ботанический сад, библиотеку и архив Академии, где они хранятся до сих пор.

Главнейшие труды С. П. Крашенинникова: Речь о пользе наук и художеств, в кн.: «Торжество Академии наук... 6 сентября 1750 г.», СПб., 1750; *Описание земли Камчатки* (4 части в 2 томах), СПб., 1755; последнее издание («с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов»), М.—Л., 1949.

О С. П. Крашенинникове: Сборн. «Советский Север», № 2 (К 225-летию со дня рождения С. П. Крашенинникова), под ред. А. И. Андреева и Н. Н. Степанова, Л., 1939 (Андреев А. И., Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова; Никольский Н. П., С. П. Крашенинников как этнограф Камчатки; Степанов Н. Н., С. П. Крашенинников как историк Камчатки; Корсаков Г. М., Лингвистические материалы С. П. Крашенинникова и их значение для исследования палеоазиатских языков; Андреев А. И., Переводы труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»); Андреев А. И., Ломоносов и Крашенинников, в кн.: «Ломоносов. Сборник статей и материалов», под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1940; Гнучева В. Ф., Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, М.—Л., 1940; Берг Л. С., Очерки по истории русских географических открытий, М.—Л., 1946; Степанов Н. Н., Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки», в кн.: С. П. Крашенинников, «Описания земли Камчатки», М.—Л., 1949; История естествознания в России, т. I, ч. 1, М., 1957.